

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-27-36
УДК 32(045)

Власть в постмодернистском обществе: между плоскостями реальности и коммуникации

К. Беше-Головко

Ассоциации юристов Комитас Генциум Франция-Россия, Париж, Франция
<https://orcid.org/0000-0001-7855-2962>

АННОТАЦИЯ

Общепринятое утверждение о постмодернистском характере сегодняшнего мира не дает ключ к пониманию его сущности из-за своей двойственности, проявляющейся на плоскостях реальности и коммуникации и в появлении таких понятий, как, например, «пост-правда». Новое восприятие мира исходит от возникновения новых акторов — *Policy makers* и СМИ, влияние которых стремительно росло в последние годы, что существенно изменило функционирование демократических механизмов вплоть до того, что их стали ставить под сомнение. В целом, местонахождение власти в нашем так называемом постмодернистском мире располагается не на той или другой статичной плоскости, а в области взаимодействия коммуникации и реальности.

Ключевые слова: власть; постмодернизм; новые акторы; *policy makers*; СМИ; реальность; коммуникация

Для цитирования: Беше-Головко К. Власть в постмодернистском обществе: между плоскостями реальности и коммуникации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):27-36. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-27-36

ORIGINAL PAPER

Power in Postmodern Society: Between the Planes of Reality and Communication

K. Béchet-Golovko

Association of Lawyers Komitas Gentium France-Russia, Paris, France
<https://orcid.org/0000-0001-7855-2962>

ABSTRACT

The generally accepted statement about the postmodern character of today's world does not provide a clue to understanding its essence. We just know that from this point of view, it is already modernist. However, the concepts of postmodernism are extremely diverse and depend on the subjectivity of their authors. Basically, a central question arises that remains unanswered: will postmodernism appear after modernism as evolution, or is it a criticism of modernism, rejection, a kind of general disappointment? For some, truly postmodernism is a disappointment of rationality. By contrast, neoconservatives rejoice in postmodernism. Nevertheless, their postmodern world is free from any substance, from any essence. They offer a kind of modernism, without a soul and without a Man, since everything must be "rendered harmless" in advance and, preferably, without excesses. It is a kind of sad utopia. In both cases, there is denial: either open — by the critics of postmodernism; or hidden — by "our own".

Keywords: power; postmodernism; new actors; policymakers; media; reality; communication

For citation: Béchet-Golovko K. Power in postmodern society: between the planes of reality and communication. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):27-36. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-27-36

ВВЕДЕНИЕ

Общепринятое утверждение о постмодернистском характере сегодняшнего мира дает мало понимания о его сущности. Мы просто знаем, что с этой точки зрения он вышел из модернистского определения. Однако концепции постмодернизма чрезвычайно разнообразные и зависят от субъективности авторов. Но главный вопрос — появится ли постмодернизм после модернизма как эволюция, радикализация модернизма, или это критика модернизма, неприятие, своего рода разочарование, признание неудачи — остается без ответа. Для некоторых, действительно, постмодернизм является разочарованием в индустриальном прогрессе, а значит, в индустрии, культурном прогрессе и человеке, экономическом прогрессе и капитализме, в рациональности. Все аксиомы модернизма отвергнуты постмодернизмом. Неоконсерваторы, напротив, радуются постмодернизму, но их постмодернистский мир свободен от любой субстанции, от любой сущности. Искусство, наука, мораль разделены и поручены тонким специалистам, смотрящим на все через узкую призму. Предлагается своеобразный модернизм, только без души и без Человека, поскольку все должно быть заранее «обезврежено», для того чтобы наука больше не могла навредить, чтобы мораль стала независимой от политики и от религии, чтобы каждый эффективно занимался своими техническими делами в своем маленьком уголке. И желательно — спокойно, без эксцессов и всеобщего внимания. Это своего рода грустная утопия. В обоих случаях есть отрицание: либо открытое — критиками постмодернизма, либо скрытое — своими же сподвижниками. Как будто модернистский мир ускользнул от нас: все, что мы видим, не подлежит определению, классификации, а человек (по своей натуре) отрицает все, что не может воспринять. Тогда он создает иллюзию, которую понимает и которой овладевает, ту, что позволит ему объяснить мир, в котором он живет, пока он не в состоянии его определить.

НОВЫЕ АКТОРЫ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО МИРА: *POLICY MAKERS* И СМИ

Все что мы видим, не подлежит определению, классификации, а человек по своей натуре отрицает все, что не может воспринять. Тогда он создает иллюзию, позволяющую ему объяснить мир, в котором он живет.

В модернистском мире, когда он был «компактным», вопрос местонахождения власти не стоял остро. Появление новых механизмов власти привело к появлению новых акторов, которые как раз находятся на уровне взаимодействия плоскостей реальности и коммуникации. Их задача осложнена официальным отрицанием существования идеологии, как будто неолиберализм и глобализация являются всего лишь техническими механизмами, лишенными смысла, мировоззрения и ведения Человека. На этом этапе можно отметить двух особо важных акторов: *policy makers* (политтехнологов), которые являются макрорегуляторами, и средства массовой информации, выступающие в качестве инструмента легитимации.

***POLICY MAKERS*: РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ**

Изначально *policy makers* были теми, кто принимает решения, — именно они *делали* политику. В классическом понимании речь идет о членах политических партий, членах правительства — т.е. о тех, кто наделен властью. Таким образом, *policy makers* имеют двойную связь — и с политикой, и с государством. Однако за последние пятьдесят лет модели управления значительно изменились под импульсом неолиберализма и сопровождающей его глобализации. Неолиберализм заставил государство утратить монополию на принятие решений, передав часть своих полномочий частным субъектам, интегрируя все больше и больше регулирующих органов в механизмы управления [1]. Таким образом, власть распределяется между различными субъектами: государственными органами, которые действуют по принципу обязательного решения, и парастагосударственными органами, которые действуют по логике регулирования. Сегодня, *policy makers* стали макрорегуляторами, они влияют (и иногда определяют) на вектор политики разных структур, в том числе государств.

Данная тенденция развивалась в 1980-х гг. под влиянием растущей глобализации экономики, которая навязала идею о необходимости пересмотра механизмов управления в сторону глобализма. Тогда под влиянием международных экспертов и агентств государственные акторы начинали определять макрополитики и их координировать между собой, будучи убежденными, что таким образом они сделают экономику более эффективной. В этом смысле они скорректиро-

вали свои отраслевые политики в соответствии с императивами глобального рынка и боролись, как принято говорить, «против бюрократии» (выражение, под которым скрывается борьба против государства, поскольку это всегда ведет в сторону дерегуляции). Таким образом, несмотря на сопротивление, в национальные системы были введены институциональные реформы для поддержки «глобалистского перехода» государственности, в том числе с помощью экономической интеграции государств [2]. Эти «создатели политики», находящиеся на стыке национальной и глобальной сфер, позволяют «глобальному» проникнуть в «национальное», чтобы в конечном итоге привести «национальное» в соответствие с «глобальным».

Политическое правление в условиях глобализации изменило категорию классических *policy makers*. Из политических акторов, развивавшихся в линейном процессе принятия решения¹, они превратились в политических регуляторов, находящихся в сети регуляции². Это было возможно, потому что сама природа политического решения на национальном уровне изменилась и понимается почти исключительно в парадигме регуляции [3]. Они существуют для того, чтобы осуществить конкретное политическое видение, которое не обязательно является видением конкретного правительства соответственного государства. Таким образом, вопрос их независимости пересекает вопрос их легитимности, поскольку правительство, в отличие от них, избирается в результате демократического процесса. В реальной плоскости существует пока всего лишь два уровня — национальный и глобальный, и если эти макро-регуляторы независимы от правительства, они являются инструментом глобализма.

Госуправление, перестав быть односторонним, перешло сегодня к системе регуляции, что стало возможным благодаря развитию теорий менеджмента в политике. Особое значение при этом играет теория менеджмента инновации,

которую в 1960-х гг. развили Бернс и Сталкер [4]. Они разработали дихотомию структуры организации в соответствии с информационным контекстом, в котором она находится. По их мнению, так называемые «механические» структуры — высокоиерархические, действующие на вертикальной линии коммуникации, — менее способны к адаптации и в основном развиваются в стабильной среде. А так называемые «органические» структуры с небольшой формальной структурой, позволяющие переопределить роли и основанные на горизонтальных коммуникационных отношениях, обладают большей способностью к адаптации в изменяющейся среде. Другими словами, дезорганизованные структуры лучше приспосабливаются к своей среде, когда она сильно меняется. С идеологической точки зрения — это важный теоретический поворот, который оправдывает антигосударственную идеологическую позицию, поскольку речь идет о легитимации горизонтальных отношений между акторами, что ставит регуляторов и парегосударственные органы на разные с государственными органами уровни. Более того, данная теория развивается в 1960-е гг., одновременно с теорией хаоса, взятой из квантовой науки Эдвардом Лоренцом, который ее развивал и популяризовал (так называемый «эффект бабочки»). Действительно, изначально теория хаоса «направлена на изучение нелинейных явлений, управляемых простыми и детерминированными законами, поведение которых при определенных условиях становится непредсказуемым» [5]. Однако в социальных науках эта теория становится синонимом беспорядка. Каждая дисциплина развивает свое видение хаоса. Следует признать, что в 1960-е гг. порядок как таковой в принципе подвергался сомнению, и антигосударственные модели, оправдывающие «естественное» существование беспорядка, являлись аргументом в этой неолиберальной идеологии. По этой идеологии — мир нестабилен, и мы должны учитывать это, а не бороться с нестабильностью — почти ее поддерживать. Беспорядок в этой парадигме стал нормой, оправдывающей горизонтальность отношений, и таким образом государство лишено легитимности в своей функции упорядочивания общества.

Такое положение дел также объясняется интеграцией государств в разных наднациональных структурах и принудительных системах по-

¹ Susan J. Buck выделяет шесть классических этапов, начиная от планирования, до принятия решения и его процедурной легитимации. В конечном итоге, помимо терминологии, широко заимствованной из языка менеджмента, мы просто находим классические этапы принятия административных или законодательных актов.

² URL: https://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/sites/ppp.worldbank.org/files/documents/world_bank_ppiaf-handbook_for_evaluating_infrastructure_regulatory_systems_2006_english.pdf

литико-юридического характера, таких как ЕС, ОБЕС ООН, ВОЗ, ОЭСР, МВФ, ВТО и т.п. Глобальный мир лишил государства суверенитета, т.е. возможности самостоятельно определить свой политический курс и принять соответствующие решения и нормативные акты. Экономическая политика определяется в этих наднациональных инстанциях так же, как стратегия развития публичных служб, а у государства остается всего лишь возможность имплементировать и слегка адаптировать эти уже принятые решения к своей реальности. Глобальные акторы напрямую конкурируют с государственными, и, поскольку они приписывали государствам глобализацию как единственный эффективный путь развития общества, они стали настоящими *policy makers* в изначальном понимании этого слова. Иными словами, решение принимается глобальными акторами, а акторы на национальной уровне существуют для того, чтобы обеспечить урегулирование местных вопросов в установленной парадигме и создавать иллюзию суверенизма в странах, где это важно для народа. Данное национальное урегулирование тем более важно, что императивы глобализации редко совпадают с национальным интересом. В то же время для *policy makers* важно обеспечить путь к власти на национальном уровне «удобным» лицам и направлять общественное мнение в конкретное русло. Таким образом становится возможно обеспечить имплементацию глобального императива руководством страны без особо громкого возмущения общества, и здесь информация играет центральную роль. Интересный научный труд был опубликован университетом Гарварда по информационной стратегии и так называемому «регулирующему управлению» [6], который начинается так: «Информация — это жизненная сила регуляторной политики». Определенная информация путем создания положительного общественного мнения позволяет легитимировать глобальные выборы, часто их национализируя, а публичный дискурс представляет эти глобальные решения как принятые на национальном уровне. Данная «информационная трансформация» еще удобнее, поскольку тогда государство несет перед населением политическую ответственность за решение, которое оно на самом деле не принимает. В каком-то смысле государство несет ответственность за отказ от суверенитета, который ему был передан народом.

МАССМЕДИА: ИНСТРУМЕНТ ВЛАСТИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВЛАСТЬ

В обществе, где форма важнее содержания, а подача сообщения убеждает гораздо больше, чем его суть, средства массовой информации, традиционные или нет, играют фундаментальную роль. Тем не менее даже если СМИ являются акторами глобальной системы, можно ли считать их властью?

Принято утверждать, что СМИ стали «четвертой властью» [7] — с XIX в. пресса играет особую роль, и технические достижения способствуют этому. Сейчас с возникновением так называемых «реинформационных» сайтов основная функция СМИ подразделяется на распространение «официальной» информации на службе власти и на распространение «альтернативной» информации, в основном против доминирующей идеологии. Таким образом, процесс распространения информации изначально не принимается как политически нейтральный. В этой логике СМИ выступают не властью, а метавластью, — поскольку они продуцируют определенный дискурс о власти, вопрос их непредвзятости оставляет открытым. Их позиции в этой игре укрепились в 1990-е гг., и они стали винтиком процесса управления: *«Сегодня нет публичного решения, которое бы не сопровождалось стратегией его коммуникации; поэтапность анонса, ее организация, «языковые элементы» на самом деле являются частью решения — то, как оно будет воспринято средствами массовой информации, а затем то, каким образом они будут передавать его публике, постоянно находится в сердце мышления лица, принимающего решения. В этом смысле СМИ, безусловно, являются властью»* [7]. Согласно мнению Марселя Гоше, сущность СМИ изменялась со временем параллельно с изменениями, происходящими в журналистике, на трех стадиях: теневая власть, метавласть, антивласть [8]. В логике оппозиции СМИ превращаются сами во властного актора, поскольку, согласно автору, они выполняют следующие функции: используются для предотвращения попадания народа в неволю и обязывают политиков отчитываться перед избирателями. Тем не менее власть предпочитает самостоятельно принимать решения, и вопрос степени самостоятельности СМИ не рассматривается.

В нашем «сверхкоммуникационном» мире формирование общественного мнения зависит

от распространения той или иной информации. Таким образом, СМИ не только отражают реальность, они ее «пересоздают», обеспечивая переход между плоскостями реальности и коммуникации [9].

Особая роль СМИ ставит вопрос об их источниках информации и мере, в которой они владеют повесткой дня, т.е. насколько они свободны в продуцировании собственного дискурса. Однако обилие информации требует ее сортировки. Выбор критериев, которые используются определенными СМИ, зависит от их идеологической и политической линии, и только наличие множества панелей позволяет гарантировать разнообразие информации в данном обществе. Здесь нет места нейтральности, — всегда есть выбор и все зависит от него. В 1970-х гг. была сформулирована теория установления повестки дня, т.е. *agenda-setting*: «Модель, которая устанавливает причинно-следственную связь между важностью, которую СМИ придают определенным темам (вопросам), и восприятием важности этих тем потребителями новостей. СМИ влияют на повестку дня публичных дел, поскольку публика подстраивает свое восприятие относительной важности тем к тому значению, которое СМИ придают им» [10]. Основная проблема этой теории состоит в том, что самостоятельность СМИ носит относительный характер, поскольку *mainstream*-СМИ работают в основном с официальными источниками, которые не только предоставляют им информацию, но и осуществляют предварительный выбор. Остальные СМИ принципиально работают не с официальными источниками, а с альтернативными, список которых зависит от их владельцев. В этом случае СМИ не являются властью как таковой, поскольку им не хватает автономии, у них нет собственной воли и мощи для осуществления этой воли. Несмотря на это, СМИ являются влиятельными акторами. Они пытаются навязать обществу определенное мировоззрение, которое соответствует политической повестке дня некоторых сил.

Вопрос финансирования СМИ заслуживает внимания, так как издательская деятельность зачастую нерентабельна [11], что способствует созданию связей между частным сектором, большим бизнесом и государством и приведет к неизбежной концентрации СМИ. Тем самым объясняется сходство информационных дискурсов основных СМИ. Во Франции официально

80% СМИ в руках конгломератов, но государственные СМИ или СМИ, финансируемые государством, существенно влияют на общественное мнение: «финансируемые государством СМИ составляют большую четверть аудитории радио — с *Radio France, Radio France internationale (RFI)* и т.д. — и небольшую треть аудитории телевидения — с *France Télévisions, France Médias Monde, Arte...*»³. Помимо финансового вопроса, возникает еще и вопрос роли информационных агентств в формировании информационного дискурса. На Западе доминируют три информационных агентства: Reuters, AP и AFP. Можно увидеть огромное количество статей в СМИ, формально подписанных одним из этих агентств⁴. СМИ не могут стать властью, а, скорее, выглядят как один из инструментов власти.

Можно задать теоретический вопрос: останется ли журналистика журналистикой, если СМИ станут одним центром власти? Не отойдет ли она тогда от своей основной миссии — объективно предоставлять информацию, чтобы люди могли сами формировать собственное мнение? На самом деле в этом случае СМИ будут напрямую влиять на политическую власть в зависимости от своих политических линий. Таким образом, средства массовой информации действуют, распространяя дискурс, который ими не полностью отформатирован.

ВЛАСТВОВАНИЕ ИНФОРМАЦИИ И РЕГРЕСС ДЕМОКРАТИИ

Цифровые технологии появились в середине прошлого века, но они только недавно стали объектом настоящего и нездорового культа, который все больше напоминает так называемый «технологический солюционизм». Данный культ позволил деконструировать информационное поле и привел к атомизации информационного дискурса, что соответствует потребностям постмодернистского общества. Хотя резко увеличилось количество распространяемой информации и было обещано «освобождение»

³ Carasco A. «Qui a le pouvoir de l'information en France» // Vie-publique.fr. 8 novembre 2018. URL: <https://www.vie-publique.fr/parole-dexpert/268470-qui-le-pouvoir-de-linformation-en-france> (08.11.2021).

⁴ О французском журнале Le Monde, см. здесь: «Pourquoi certains de nos articles sont signés «Le Monde avec AFP»». 07 mai 2021. URL: https://www.lemonde.fr/le-monde-et-vous/article/2021/05/07/pourquoi-certains-de-nos-articles-sont-signes-le-monde-avec-afp_6079504_6065879.html (08.11.2021).

человечества от цензуры, функционально ничего не изменилось. «Цифровая революция» не освободила людей и не защитила демократию, а даже, наоборот, угрожает ее иллюзией и виртуальностью.

«ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И АТОМИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ДИСКУРСА

Развитие цифровизации способствовало массовому распространению информации и могло бы повлиять не только на рост ее количества, но и качества. В связи с этим можно было бы ожидать формирования разных центров власти, но, в конце концов, так называемая «цифровая революция» функционально не изменила ситуацию. Цифровизация усилила влияние медийного дискурса на публику, полностью подавленную огромным количеством информации, которую она не в силах ни интегрировать, ни приоритизировать. Согласно исследованию, опубликованному во Франции в 2017 г., плюрализм информационного дискурса не смог расти, поскольку как минимум 64% информации в электронных публикациях являются просто копией уже опубликованного текста. Что касается 36% оригинального материала, «за этим средним показателем скрываются очень сильные различия: распределение показателя оригинальности на самом деле двухрежимное, почти 19% из более чем 850 000 статей, отнесенных к событиям, не демонстрируют оригинальности, и 21% из них являются полностью оригинальными» [12]. Более того, большинство СМИ публикуют *online* материалы информационных агентств, не указывая первоисточник, что приводит к вопросу достоверности и транспарентности информации. В целом после стремительного развития цифровизации в медийных средах не появился самостоятельный информационный дискурс, а лишь усилился его изначальный дефект — политизация. Вследствие чего происходит гомогенизация общего медийного дискурса, который сейчас распространяется быстрее и шире [12]. Иными словами, из-за развития цифровизации СМИ могут эффективнее формировать общественное мнение в независимости от конкретного государства.

В отличие от прежних бесспорных индустриальных революций, так называемая «цифровая революция», которая происходит сейчас, является предметом настоящего культа, и как

все остальные революции, она идеологически не нейтральна. В отношении нее возникает много вопросов, основной из которых — соответствует ли дискурс действительности? Иными словами, на какой плоскости совершена эта революция: реальности или коммуникации? У некоторых есть сомнения: «*Цифровизация и 3D-принтеры продвигаются во имя революции, которую они должны совершить, а интернет-предприниматели становятся демиургическими героями, как и великие изобретатели прошлого. Эти дискурсы — впечатляющим образом возновляют старый технологический прогрессизм, но в основном они рекламные, служащие коммерческим и идеологическим интересам. Они нацелены на продвижение инноваций разрыва против накопления умения, которое не может присвоить ни один человек. ...Многие авторы с энтузиазмом относятся к новым информационным и коммуникационным технологиям и новым инструментам их производства... Цифровые предприниматели, makers, увлеченные “фантастической лабораторией” и другими “удобными для пользователя технологиями”, предсказывают наступление новой эры, когда сбудутся футуристические мечты и все наши демократические и социальные проблемы будут решены чудесным образом*» [13].

В теории так называемого «технологического солюционизма» Евгений Морозов высказывает о сомнительности революционного характера современных цифровых инноваций [14]. По его мнению, каждая человеческая проблема, не важно политическая, социальная или гражданская, систематически пытается реформироваться исключительно с технической точки зрения, которая затем обсуждается частными или государственными цифровыми игроками, которые, наконец, предлагают цифровые решения, цель которых — справиться с последствиями проблем, никогда не интересуясь их причиной. Тем самым, технологический солюционизм, не способный к комплексному подходу решения проблем и оценке сложности политико-социальной жизни, упрощает жизнь человека до уровня техники. Как подчеркивает Морозов, — «*Несовершенство, двусмысленность, непрозрачность, беспорядок и возможность ошибиться, согрешить, совершать неправильную поступку: все это составляет основу свободы человека... Если мы не найдем в себе силы и смелость избежать кремниевого менталитета, который*

питает большую часть поисков человеческого совершенства, мы рискуем оказаться в политике, лишенной всего того, что делает политику желательной» [15]. Появление ощущения инновации, связанного с так называемой «цифровой революцией», в основном стало возможным из-за отсутствия времени (и желания?) объективно оценить действительный вклад интернета, а коллективный энтузиазм (или фанатизм?) объясняется и досадной тенденцией «отдавать предпочтение недавней истории более старой истории», и отказом вставить эти инновации в исторической перспективе [16]. Константин Вячеславович Воронцов, доктор физико-математических наук, профессор РАН, руководитель лаборатории машинного интеллекта МФТИ, ставит под сомнение разумность современного культа цифровизации. По его мнению, люди ожидают от цифровизации какого-то чуда, когда речь идет всего лишь о технике. В этом смысле говорить об искусственном интеллекте ошибочно, скорее всего, речь идет об «имитации интеллекта». Более того, в нынешнем информационном дискурсе об искусственном интеллекте совершенно забыт тот факт, что понятие «искусственный интеллект» появилось в 1950 г. у американцев, а потом до встречи в Давосе в 2016 г. почти не использовалось. После слов Клауса Шваба, Обама, в то время — президент США, дал старт новому сленгу, который сейчас уже не обсуждается. На самом деле, то, что сейчас называют «искусственный интеллект» существует уже более давно под названием «машинное обучение» [17]. Но это уже слишком давняя история для нынешнего информационного мира.

В любом случае стремительное развитие цифровых технологий повлияло на общество. С тех пор и производство, и потребление информации стали массовыми и хаотичными, что не значит «неконтролируемыми». Бурный рост социальных сетей и партисипативных СМИ дал людям возможность «выйти из своего дома», чтобы показать обществу, кем они являются. Это привело к массивификации горизонтальных отношений, столь превозносимых теорией творческого управления, и к обеднению содержания. Недоверие потребителей информации профессиональным «источникам-производителям», а именно журналистам, было отличной поддержкой для совместного регулирования информации: развития партисипативных платформ

и информационных блогов, распространяющих «иную информацию» [18]. Таким образом, это атомизация способствовала разрушению стабильного информационного дискурса. Однако деконструированная система — это система, которая лучше контролируется существующими силами, потому что она сталкивается с совокупностью слабостей и индивидуальностей, функционирующих в основном в режиме скорости и эмоций.

НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ БОЛЬШОГО ОБЪЕМА ИНФОРМАЦИИ НА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В постмодернистском мире плоскость реальности тесно зависит от плоскости коммуникации, поскольку информационный дискурс хорошо развит, вследствие чего созданные демократические механизмы меняются и ослабевают: по большому счету, после того, как на их месте создали информационные дубликаты, от них остается более или менее опустевший каркас.

Первый эффект данного объема — усугубление демократической иллюзии. В любой демократической системе дискуссионный процесс не является самоцелью, главное — это решение, которое прямо или косвенно вытекает из него и которое (как говорят) должно быть принято народом и во благо народа. СМИ, называемые «четвертая власть», являются частью борьбы политико-идеологических групп в вопросах поиска источников финансирования. Это означает, что они влияют на процесс принятия политических решений. Более того, процедуры народных консультаций обычно используются в процессе принятия политических решений, когда их содержание уже определено, для легитимации *post factum*. Ведь право инициировать соответствующие решения не входит в компетенцию народа, а находится в полномочиях определенных политически ориентированных групп. Надо также заметить, что очень часто результат народной консультации не является юридически обязательным для власти и может быть заранее определен предусмотренными юридическими механизмами.

Необходимо обратить внимание на развитие различных «цифровых референдумов», таких как *online*-петиции на цифровых платформах. Эти механизмы очень нужны для поддержания иллюзии демократии, поскольку они сопровождаются громким пиаром в политических

целях, в зависимости от тактических нужд. Действительные народные референдумы проводятся очень редко и особо четко регулируются, поскольку у них есть реальные юридические последствия. Нет такой государственной системы, которая могла бы управляться только механизмами прямой демократии, такими, как референдум, поскольку тогда либо возник бы хаос, либо доминировала определенная особенно активная гражданская группа.

Надо заметить, что нужда в механизмах прямой демократии появляется во время кризиса легитимности власти, в том числе в начале революционных периодов, когда необходимо установить легитимность новых властных институтов. Нельзя путать эти действительные юридические механизмы, от которых напрямую зависит политическое решение, с нынешними так называемыми «цифровыми референдумами» или *online*-петициями, в которых могут принять участие граждане любого государства, иногда даже несколько раз, без действительного контроля. Эти, скорее всего, информационные механизмы, без какого-либо сходства с прямой демократией стали инструментами политической манипуляции. Данной вид «демократического троллинга» дает людям иллюзию участия в какой-то дискуссии и даже в процессе принятия решения, хотя на самом деле никакое действительное юридическое решение от этого не последует. Информационный состав этих механизмов также важен, поскольку они позволяют возобновить необходимую кому-то общественную дискуссию и сориентировать ее в нужное русло. Таким образом, заинтересованная в этом политическая сила может остаться в тени и в конце получить ожидаемую «политическую прибыль» от этих срежиссированных общественных дебатов.

Второй эффект цифровой революции — *деструктуризация системы демократического правления из-за деконструкции человека*. Цифровой мир редуцирует народ до публики, опираясь на равнодушие масс к политике. Постмодернистский культ индивида и его прав без симметричного обращения к его обязанностям привел к взрыву общества изнутри и тем самым обязал это неустойчивое общество заново соединиться вокруг индивидов, у которых нет развитой гражданской культуры и которые все определяют через собственное эго [19]. Данный «массивный» индивидуализм якобы компенсируется создани-

ем психологических механизмов субституции, которые создают выборочную вовлеченность в зависимости от собственного хотения, а не от потребности общества. Например, вышеупомянутая техника цифровых петиций позволяет индивидам отреагировать, когда результаты выборов не те, которые они ожидали увидеть, даже если они сами не голосовали в «реальном мире» и вообще не имеют права голосовать в этой стране. Но сегодня общество глобальное, гражданин мира не обращает внимания на свою страну (поскольку ее у него нет по определению), а только — на глобальные проблемы мира и человечества. Таким образом появляется индивид, у которого нет этноса, т.е. отсутствуют «*общие практики и ценности полиса, реализуемые с течением времени и в соответствии с нормами*» [20]. В данном процессе СМИ играют серьезную роль инициатора и стимулятора для этих массиндивидов. Они распространяют для них определенный «легитимный» дискурс, нужную информацию для того, чтобы они смогли найти свой путь в этом глобальном обществе. Политико-информационная кампания против Брексита или после избрания Трампа отлично иллюстрируют данный процесс манипуляции мнением. Народ больше не является единой группой людей, осознающих свои гражданские обязанности для нормального функционирования страны, а заменен публикой, которая будет реагировать в соответствии с информацией, распространяемой средствами массовой информации, значимость которых преувеличена цифровыми технологами.

Третий эффект, который исходит из первых двух, является *иллюзией правления* и связан с появлением странной «пятой власти» — общественного мнения. Однако оно, кажется, не может быть именно властью из-за отсутствия независимости. Сама идея «пятой власти» появилась из-за того, что СМИ разочаровали некоторые силы своим дефицитом независимости (оппозиционности). В этом смысле беспокоит не сам факт политизации СМИ, а то, что они служат сильным мира сего, прислушиваясь к своему инстинкту выживания. В серьезном французском издании *Le Monde diplomatique* 2005 г. можно прочитать следующие строчки: «*Таким образом, глобализация — это также глобализация средств массовой информации, коммуникации и информации. Прежде всего, обеспокоенные развитием своего гигантизма, который вынуждает их обхаживать*

другие власти, эти большие медийные группы больше не стремятся, в качестве гражданской цели, быть “четвертой властью”, осуждать злоупотребление правом или исправлять дисфункции демократии, чтобы смягчать и усовершенствовать политическую систему. Они даже больше не хотят выступать в качестве “четвертой власти”, не говоря уже о том, чтобы выступать в качестве противовеса власти. ...Надо просто создавать некую “пятую власть”. “Пятая власть” позволяет нам противопоставить гражданскую силу новой коалиции доминирующих. Некая “пятая власть”, функция которой была бы осуждать сверхвласть СМИ, больших медийных групп — пособников и распространителей либеральной глобализации. Эти средства массовой информации, которые при определенных обстоятельствах не только перестали защищать граждан, но иногда действуют против народа в целом» [21]. Необходимо понять, что действительно скрывается за красивыми словами «гражданская сила», которая, по всей видимости, является общественным мнением. Но как это уже было продемонстрировано в отношении медийной власти, общественное мнение по определению не может быть властью, в основном оно является инструментом в руках определенных сил, которые имеют влияние на публику. Таким образом, эта так называемая «пятая власть» ничто иное, как продукт общества потребления информации.

В заключение остается только обратить внимание на неуловимость местонахождения власти, которая исходит из дуализма нынешнего постмодернистского мира. Находится ли власть в плоскости реальности (в действии) или же в плоскости коммуникации (иллюзии)? А может быть, власть находится в интеракции с обеими плоскостями?

До торжества культа цифровизации, сопровождающего постмодернизм, принцип влияния СМИ был установлен и уже не обсуждался. Например, в 1994 г. председатель бельгийского сената опубликовал интересный доклад по этому поводу, где говорилось: «Политика и парламент, СМИ и общественное мнение никогда не развиваются независимо друг от друга... Анализ косвенного влияния за счет фильтрации информации СМИ помогает объяснить еще более важное появление телекратии, благодаря которой цинично, без серьезной политической программы или убедительных аргументов политик нового жанра может соблазнить зрителя-избирателя

просто лозунгами и рекламными приемами»⁵. Иными словами, производство особой определенной информации (т.е. определенного дискурса) влияет на политическую жизнь. При этом технический прогресс не способствует улучшению качества политического дискурса или самой политики.

Учитывая объективную силу влияния СМИ, можно ли утверждать, что они стали местонахождением власти (или, иными словами, — статичной плоскостью власти), поскольку распространяют общий дискурс (даже если они его не совсем самостоятельно продуцируют)? Есть определенные сомнения по этому поводу. Плоскость коммуникации и иллюзии, т.е. виртуальный мир, прежде всего является миром дискурса. В этом смысле он образует плоскость метареальности, т.е. плоскость дискурса о реальности. Виртуальное не может существовать без реального, потому что для создания иллюзии, для создания образа «нового мира» оно должно питаться реальностью. Без реальности он исчезает. И тогда возникает вопрос: в какой степени местонахождение власти может позволить себе отсутствие автономии? Переноса анализ на уровень государственной власти, это равносильно тому, может ли несuverенное государство сохранить свою власть. Однако если такое государство может осуществлять некоторые полномочия, оно не владеет инициативой выбора. Так обстоит дело с виртуальным миром: он воспроизводит дискурс, отбирает информацию, но исходный материал, исходная информация производятся в плоскости реальности.

Однако именно посредством взаимодействия этих механизмов между двумя плоскостями создается «новая» реальность, которая обязывает и обуславливает осуществление власти в плоскости реальности после того, как реальное предоставит «сырье» для виртуального. В этом смысле можно сказать, что местонахождение власти в нашем постмодернистском мире — не на одной или другой статичной плоскости, а выражается в умении владеть взаимодействием между плоскостями коммуникации и реальности. И актер, который владеет схемой взаимодействия этих плоскостей, будет иметь доступ к механизмам власти.

⁵ Доклад Ф. Сваеллена, председателя бельгийского сената. «Les médias comme facteur de pouvoir dans la politique». URL: https://www.senat.fr/europe/dossiers/conference_presidents/rapport_swaelen_lahaye94.pdf

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Béchet-Golovko K. Russie: la tentation néolibérale. Paris: L'Harmattan; 2018.
2. Grindle Merilee S., Thomas J.W. Policy makers, policy choices, and policy outcomes: The political economy of reform in developing countries. *Policy Science*. 1989;(3–4):213–248.
3. Buck S.J. Understanding Environmental Administration and Law. Washington: Island Press, 3ed edition; 2006.
4. Burns T., Stalker G.M. The Management of Innovation. London: Tavistock Publications; 1961.
5. Ferrer C. La diffusion de la théorie du chaos dans les sciences humaines, les sciences sociales et les arts: une épidémie postmoderne. URL: <http://journals.openedition.org/trans/267>.
6. Coglianese C., Zeckhauser R., Parson E. Securing Truth for Power: Informational Strategy and Regulatory Policy Making. John F. Kennedy School of Government, Harvard University, Faculty Research Working Papers Series; 2004.
7. Kessler D. Les médias sont-ils un pouvoir? *Revue Pouvoir*. 2012;(4):105–112.
8. Gauchet M. Contre-pouvoir, méta-pouvoir, anti-pouvoir. *Le Débat*. 2006;(1):17–29.
9. Citton Y. Médiarchie. Paris: Edition du Seuil; 2017.
10. Charron J. *Les médias et les sources. Les limites du modèle de l'agenda-setting*. Hermès, la Revue; 1995. No. 3.
11. Toussaint-Desmoulin N. «Le financement de la presse». In: Toussaint-Desmoulin N. *L'économie des médias*. Paris: Presses Universitaires de France; 2015.
12. Cagé J., Hervé N., Viaud M.-L. L'information à tout prix. URL: <https://larevuedesmedias.ina.fr/64-de-ce-qui-est-publie-en-ligne-est-du-copie-colle-pur-et-simple>
13. Jarrige F. Révolutions industrielles: histoire d'un mythe. *Revue Projet*. 2015;(6):17–18.
14. Morozov E. To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism. Public Affairs Book; 2014.
15. Cramer B.W. Review of “To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism”, by Evgeny Morozov. *Journal of Information Policy*. 2014;(4):173–175.
16. Dessus P. Pour tout résoudre, cliquez ici. URL: <https://journals.openedition.org/dms/963>
17. Воронцов К.В. *Имитация интеллекта: «цифровая магия» и ее разоблачение*. URL: https://zavtra.ru/blogs/imitatsiya_intellekta
Vorontsov K.V. Imitation of intelligence: “digital magic” and its exposure. URL: https://zavtra.ru/blogs/imitatsiya_intellekta. (In Russ.).
18. Bernier M.-F. La montée en puissance d'un «5e pouvoir»: les citoyens comme acteurs de la corégulation des médias? URL: <http://journals.openedition.org/ethiquepublique/1077>
19. Charbonneau J.-P. De la démocratie sans le peuple à la démocratie avec le peuple. URL: <http://journals.openedition.org/ethiquepublique/1969>
20. Clair A. *Droit, communauté et humanité*. Paris: éditions Cerf; 2000.
21. Ramonet I. Le cinquième pouvoir. *Le Monde diplomatique*. Octobre 2003.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карин Беше-Головко — доктор публичного права, президент ассоциации юристов Комитас Генциум Франция-Россия, Париж, Франция; приглашенный профессор МГУ, Москва, Россия
bechet.golovko@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Karine Béchet-Golovko — Doctor of Public Law, President of the Komitas Gentium France-Russia Lawyers Association, Paris, France; Visiting professor at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
bechet.golovko@gmail.com

Статья поступила 10.11.2021; принята к публикации 03.12.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.11.2021; accepted for publication on 03.12.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.